

Материалы, связанные с вопросом о канонизации царской семьи¹

7 июня 2008 г. 09:07

Приложение № 3 к докладу митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, председателя Синодальной комиссии по канонизации святых

Отношения царской семьи к Г. Е. Распутину нельзя рассматривать вне контекста исторической, психологической и религиозной ситуации, сложившейся в российском обществе в начале XX столетия, феномен Распутина, о котором говорят многие исследователи, едва ли можно понять вне исторического фона тогдашней России.

Как бы отрицательно ни относиться к личности самого Распутина, мы не должны ни на минуту забывать, что его личность в полной мере могла раскрыться в условиях жизни российского общества накануне катастрофы 1917 года.

Действительно, личность Распутина является во многом типологическим выражением духовного состояния определенной части общества начала XX века: «Не случайно в высшем обществе увлекались Распутиным, — пишет в своих воспоминаниях митрополит Вениамин (Федченков), — там была соответствующая почва для этого. А потому не в нем одном, даже скажу, не столько в нем, сколько в общей атмосфере лежали причины увлечения им. И это характерно для предреволюционного безвременья. Трагедия в самом Распутине была более глубокая, чем простой грех. В нем боролись два начала, и низшее владело над высшим. Начавшийся процесс его обращения надломился и кончился трагически. Здесь была большая личная душевная траге-

¹ Печатается по: Материалы, связанные с вопросом о канонизации царской семьи. М.: Синодальная комиссия Русской Православной Церкви по канонизации святых, 1996. С. 51–54.

дия. А вторая трагедия была в обществе, в разных слоях его, начиная от оскудения силы в духовных кругах до распущенности в богатых» *.

Как же могло случиться, что столь одиозная фигура, как Распутин, могла оказывать значительное влияние на царскую семью и на российскую государственно-политическую жизнь его времени?

Одним из объяснений распутинского феномена является так называемое «старчество» Распутина. Вот что об этом пишет бывший товарищ обер-прокурора Святейшего синода князь Н. Д. Жевахов: «Когда на горизонте Петербурга показался Распутин, которого народная молва назвала “старцем”, приехавшим из далекой Сибири, где он якобы прославился высокою подвижничествою жизнью, то общество дрогнуло и неудержимым потоком устремилось к нему. Им заинтересовались и простолюдины, и верующие представители высшего общества, монахи, миряне, епископы и члены Государственного Совета, государственные и общественные деятели, объединенные между собою столько же общим религиозным настроением, сколько, может быть, и общими нравственными страданиями и невзгодами.

Славе Распутина предшествовало много привходящих обстоятельств и, между прочим, тот факт, что известный всему Петербургу высотой духовной жизни архимандрит Феофан будто бы несколько раз ездил к Распутину в Сибирь и пользовался его духовными наставлениями. Появлению Распутина в Петербурге предшествовала грозная сила. Его считали если не святым, то, во всяком случае, великим подвижником. Кто создал ему такую славу и вывез из Сибири, я не знаю, но в обстановке дальнейших событий тот факт, что Распутину нужно было пробить дорогу к славе собственными усилиями, имеет чрезвычайное значение. Его называли то “старцем”, то “провидцем”, то “Божьим человеком”, но каждая из этих платформ ставила его на одинаковую высоту и закрепляла в глазах Петербургского света позицию “святого”» **.

В самом деле, появившись в Петербурге, Распутин, еще совсем недавно проводивший жизнь в буйстве и пьяных разгулах — об этом, во всяком случае, свидетельствуют его односельчане — имел уже репутацию «старца» и «провидца». По всей вероятности, в 1903 году происходит его знакомство с ректором Санкт-Петербургской Духовной академии епископом Сергием (Страгородским), который представляет Распутина инспектору Академии архимандриту Феофану (Быстрову) и епископу Гермогену (Долганову). Особенно благоприятное впечатление Распутин произвел на архимандрита Феофана, духовника

* *Вениамин (Федченков), митрополит.* На рубеже двух эпох. Б/м, 1994. С. 138.

** *Жевахов Н. Д., князь.* Воспоминания. Т. 1. М., 1993. С. 203–204, 206.

царской семьи, который испытывал глубокую симпатию к этому сибирскому мужику-проповеднику и видел в «старце Григории» носителя новой и истинной силы веры. При посредничестве великого князя Петра Николаевича и его жены Милицы Николаевны 1 ноября 1905 года произошло роковое знакомство с царской семьей, о чем мы читаем в дневнике Императора Николая II: «Пили чай с Милицей Николаевной и Станой. Познакомились с человеком Божьим — Григорием из Тобольской губернии» *.

Первые два года после знакомства Распутин не стал для царской семьи тем «дорогим Григорием», для которого были открыты их души. Они с радостью встречались и слушали других «Божьих людей». Так, Император записал в своем дневнике 14 января 1906 года: «В 4 часа к нам пришел человек Божий Димитрий из Козельска около Оптиной пустыни. Он принес образ, написанный согласно видению, которое он недавно имел. Разговаривал с ним около полтора часа» **.

До конца 1907 года встречи императорской семьи со «старцем Григорием» были случайными и довольно редкими. Между тем возрастала и молва о «сибирском старце», но по мере роста его известности достоянием гласности становились и вовсе нелицеприятные факты его безнравственного поведения. Быть может, они и остались бы фактами биографии Распутина и в лучшем случае вошли бы как курьез в историю петербургского общества, если бы не совпали с началом периода систематических встреч Распутина с царской семьей. В этих регулярных встречах, проходивших в царскосельском доме А. А. Вырубовой, принимали участие и царские дети. Поползли слухи о принадлежности Распутина к секте хлыстов. В 1908 году по указу Императора Тобольской Духовной консисторией было проведено расследование о принадлежности Распутина к хлыстовству. В заключение следствия было отмечено, что «при внимательном рассмотрении следственного дела нельзя не видеть, что перед нами группа лиц, объединившихся в особое общество со своеобразным религиозно-нравственным мировоззрением и строем жизни, отличным от православного... Самый уклад жизни последователей Григория Нового и личность его самого как будто близко подходят... к хлыстовству, но твердых начал, на основании которых можно было бы утверждать, что мы здесь имеем дело с хлыстовством, в рассмотренном следствием делопроизводстве нет», поэтому следствие было отправлено на доследование, которое, по неустановленным при-

* Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 287.

** Там же. С. 298.

чинам, так и не было закончено. Однако в опубликованных недавно воспоминаниях о Распутине В. А. Жуковской вновь ставится вопрос о принадлежности Распутина к крайней форме хлыстовства. В этих воспоминаниях приводятся свидетельства (распутинской фразеологии и его эротических радениях) о принадлежности «старца Григория» к хлыстовской секте*.

В чем же разгадка тайны Распутина? Как могло в нем соединиться несоединимое — поистине сатанинское буйство и молитва? Очевидно, противоборство этих двух начал происходило в его душе годами, но в итоге темное все же одолело. Вот что писал в своих воспоминаниях митрополит Евлогий (Георгиевский): «Сибирский странник, искавший Бога в подвиге, и вместе с этим человек распущенный и порочный, натура демонической силы, — он сочетал в своей душе и жизни трагедию: ревностные религиозные подвиги и страшные подъемы перемежались у него с падением в бездну греха. До тех пор пока он ужас этой трагедии сознавал, не все еще было потеряно; но впоследствии дошел до оправдания своих падений, — и это был конец»**. Еще более резкую оценку противоречивой натуре Распутина дал бывший воспитатель великого князя П. Жильяр: «Судьба хотела, чтобы тот, которого видели в ореоле святого, был бы в действительности существом недостойным и развратным... нечестивое влияние этого человека было одною из главных причин смерти тех, кто верил, что найдет в нем спасение»***.

Так почему же все-таки Распутин оказался так близок к царской семье, почему так верили ему? Как заметила А. А. Вырубова в своих показаниях ЧСКВП в 1917 году, Николай и Александра Федоровна «верили ему, как отцу Иоанну Кронштадтскому, страшно ему верили; и когда у них горе было, когда, например, наследник был болен, обратились к нему с просьбой помолиться»****.

Вот именно в этом последнем и следует видеть причину «роковой связи», соединившей Распутина с царской семьей. Именно в конце 1907 года Распутин оказался рядом с заболевшим наследником, впервые помог улучшению здоровья Алексея Николаевича. Вмешательство Распутина неоднократно изменяло в лучшую сторону течение болезни

* См.: Жуковская В. А. Мои воспоминания о Григории Ефимовиче Распутине. 1914–1916 гг. // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. 2–3. М., 1992. С. 252–317.

** Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. М., 1994. С. 182.

*** Жильяр П. Тринадцать лет при Русском Дворе. Paris, б/г. С. 40.

**** Боханов А. Н. Сумерки монархии. М., 1993. С. 109.

наследника — сохранилось довольно много упоминаний об этом, но конкретных, подлинно документированных данных почти нет. Кто-то что-то слышал, кто-то что-то знал от кого-то, но никто из числа людей, оставивших письменные свидетельства, ничего сам не видел. Не случайно Пьер Жильяр пишет о том, как он неоднократно «имел возможность убедиться в том, какую незначительную роль играл Распутин в жизни Алексея Николаевича», но, повторяем, слухов в этой области всегда было больше, чем надежных фактов.

Именно случай исцеления царевича явился поворотом в отношении Александры Федоровны к Распутину, к этому, по ее словам «человеку Божьему». Вот что пишет уже упоминавшийся нами П. Жильяр о влиянии Распутина на Александру Федоровну через болезнь сына: «Мать ухватилась за надежду, которую ей давали, как утопающий хватается за руку, которую ему протягивают, и она уверовала в него со всей силой своей души. Давно она, впрочем, была убеждена, что спасение России и династии придет из народа, и она вообразила, что этот смиренный мужик был послан Богом... Сила веры сделала остальное, и, благодаря самовнушению, которому способствовали случайные совпадения, Императрица пришла к убеждению, что судьба ее сына зависит от этого человека. Распутин понял состояние души этой отчаявшейся матери, сокрушенной в борьбе и дошедшей, как казалось, до пределов своего страдания. Он вполне усвоил, что мог извлечь из этого, и с дьявольским искусством он достиг того, что его жизнь до некоторой степени являлась связанной с жизнью цесаревича» *.

Именно болезнь сына оказалась определяющим моментом в отношении Александры Федоровны и Распутина — он стал надеждой и опорой ее семьи, более того, она верила, что под защитой этого человека ее семье и России не угрожает опасность, — она знала это точно, она чувствовала это всем своим сердцем, «которое никогда не обманывало».

Поэтому при всей неприглядности разных слухов и сплетен, окружавших Распутина, Александра Федоровна видела его лишь с одной стороны. По словам дворцового коменданта В. Н. Воейкова, Александра Федоровна смотрела на Распутина как «на своего человека», игравшего в ее семье роль наставника-утешителя, — и как нам не понять исстрадавшейся матери, сына которой спасает от смерти этот человек? Она была убеждена, что Распутин — посланец от Бога, его заступничество перед Всевышним дает надежду на будущее...

Свое понимание роли Распутина Александра Федоровна излагала в письмах мужу. Так, в июне 1915 года она писала: «Слушайся нашего

* Жильяр П. Тринадцать лет при Русском Дворе. С. 37–38.

Друга: верь ему, сердцу дороги интересы России и твои. Бог недаром его послал, только мы должны обращать больше внимания на его слова — они не говорятся на ветер. Как важно для нас иметь не только его молитвы, но и советы». В другом письме мужу она писала, что «та страна, Государь которой направляется Божьим Человеком, не может погибнуть». Мы видим, как постепенно из «старца-утешителя» Распутин превращается во влиятельную политическую фигуру. Будучи умным и сообразительным, он, несомненно, понял, что уклоняться от роли советчика «мамы земли Русской» он не может, иначе потеряет расположение царской семьи. Именно в этом драматическом смешении ролей Распутина была трагедия последнего царствования. Императрица предназначила «простецу и молитвеннику» роль, которую он ни при каких обстоятельствах не имел права играть, да и не имел возможности удачно ее исполнить.

Все попытки ближайших родственников, друзей, церковных иерархов предостеречь Александру Федоровну от влияния Распутина заканчивались разрывом, отставкой, полной изоляцией. В письмах Императору Николаю от 15 июня 1915 года Александра Федоровна писала: «Самарин, несомненно, пойдет против нашего Друга и будет на стороне тех епископов, которых мы не любим, — он такой яркий и узкий москвич» *. Хорошо известно, чем кончились выступления против Распутина священномученика митрополита Владимира, епископов священномученика Гермогена и Феофана. Полный разрыв произошел у Александры Федоровны и со своей сестрой — преподобномученицей великой княгиней Елизаветой Федоровной, которая в письме императору от 26 марта 1910 года писала о пребывании Распутина в духовной прелести.

Отношения самого Императора и Распутина были более сложными — восхищение «старцем» сочеталось у него с осторожностью и даже с сомнениями. Так, после первой встречи с Распутиным в 1907 году он сказал князю Орлову, что нашел в Распутине «человека чистой веры». Председателю Государственной Думы М. Родзянко он так характеризует Распутина: «Он хороший, простой русский человек. В моменты сомнений и душевной тревоги я люблю с ним беседовать, и после такой беседы мне всегда на душе делается легко и спокойно». Но все же Император испытывал беспокойство по поводу Распутина — ведь его не могли не тревожить сообщения доверенных лиц о скандальном его поведении. Император многократно пытался избавиться от него, но всякий раз отступал под давлением Императрицы или

* Боханов А. Н. Сумерки монархии. С. 192.

из-за необходимости помощи Распутина для излечения наследника. Вот что об этом пишет П. Жильяр: «Сначала он терпел его, не решаясь нанести удар вере Императрицы, которую Императрица имела в него и в которой она находила надежду, дававшую ей возможность ждать. Император опасался удалить Распутина, потому что если бы Алексей Николаевич умер, то Император в глазах матери, несомненно, являлся бы убийцей своего ребенка» *.

Подводя итог анализу причин влияния Г. Е. Распутина на царскую семью, в заключение хотелось бы отметить, что Император оказался не в состоянии противостоять воле Императрицы, истерзанной отчаянием из-за болезни сына и находившейся в связи с этим под зловещим влиянием Распутина, — как дорого пришлось впоследствии заплатить всей семье за это!

* Жильяр П. Тринадцать лет при Русском Дворе. С. 157–158.